

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ Д.Н.

**ВВЕДЕНИЕ В НЕНАПИСАННУЮ КНИГУ
ПО ПСИХОЛОГИИ УМСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА
(НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО)¹²⁹**

“Душа – не яблоко: ее не разрежешь”, – говорит Шубин в “Накануне” Тургенева. Это справедливо лишь отчасти и в очень условном смысле. В сущности, душа человеческая довольно легко “разрезывается” по шву, которым скреплены одна с другой (и потом далеко не прочно) две сферы ее: сфера чувства и сфера мысли. Надо полагать, у высших животных цельность души, конечно, еще солиднее, ее сплоченность еще крепче, – и ее, пожалуй, уже в самом деле не “разрежешь”.

Психика культурного человека сложна и расчленена. На первоначальной основе ее, т.е. на волевом психическом аппарате, тысячелетиями культурного развития создались обширные и причудливые “надстройки” чувств и умственных процессов. Эта строительная деятельность совершалась, конечно, не по какому-либо плану, не по рациональным законам психической архитектуры, а со всею иррациональностью слепого творчества природы. Душа человеческая, как мы ее знаем теперь, есть продукт психической эволюции, которую нет никаких оснований считать законченной. Мы можем гордиться богатством нашей психики, когда сравниваем ее с психикой дикарей; но эта гордость сейчас же должна смириться, как только мы вспомним о всех неврозах и психозах, которым цивилизованный человек так подвержен именно в силу

¹²⁹ Печатается по: Осьмаков Н.В. Психологическое направление в русском литературоведении. – М., 1981. – С.109-121.

несовершенства и неустойчивости своей нервно-мозговой и психической организации. Прогресс в эволюции психики человеческой сводится:

1) к усовершенствованию, обогащению, изощрению умственной и чувствующей сфер; 2) к подчинению волевого аппарата власти ума и высших чувств и 3) к упрочению синтеза всех элементов и процессов психики. Этот синтез и есть то, что иначе называется личностью.

Для уяснения относительного совершенства или, лучше, несовершенства нашей психики необходимо обратить внимание на взаимоотношения мысли и чувства. Вникая в психологическую природу этих двух сфер, мы ясно усматриваем коренное различие между ними, их разлад и приходим к выводу, что это – как бы “две души”, имеющие свои особые законы, стремления, задачи. Душевное равновесие и благополучие человека в значительной мере зависят от того, насколько поладили между собой эти “две души” его, насколько крепок союз их.

Чувство, как таковое, характеризуется, во-первых, наличностью так называемой окраски, большею частью подводимой под категорию приятного и неприятного. Мысль, как таковая, чужда какой бы то ни было окраски. Нужно строго различать между самими чувствами, например радости, озлобления, зависти, жалости, грусти и т.д., и соответственными понятиями или представлениями: первые – окрашены, вторые – не окрашены. То или иное представление (например, образ любимого человека, воспоминание о счастливом событии) может вызвать живую игру известных чувств (например, радости, восторга), но данное представление и данное чувство не сливаются в один, неразделенный душевный момент, которого “не разрежешь”; напротив, здесь очень легко сделать разрез по линии, отделяющей представление (процесс мысли) от сопутствующего чувства. И данное представление отнюдь нельзя назвать окрашенным: окрашено не оно, а чувство, с ним ассоциированное. Такие ассоциации могут быть настолько тесны и постоянны, что окраска чувства, связанного с представлением, легко переносится на само представление. <...>

Процесс развития мысли, с первых же шагов ее, резко характеризуется – у человека – стремлением к безразличию в отношении к чувствующей окраске, к категории приятного и неприятного. В умственных актах, ведущих к образованию представлений и понятий, чувствующая окраска быстро потухает, и только в таком потухшем, безразличном виде восприятия и становится материалом, пригодным для создания картины мира, данного в представлениях и понятиях.

На этом пути – в направлении безразличия, неокрашенности, – между прочим, выделяется особый элемент мысли, род умственного ощущения – свободы от давления чувств, от гнета чувствующейся окраски. Мысль обособляется и сперва ощущается, а потом и сознает, если можно так выразиться, все преимущества своей возникающей автономии. Ее процессы и результаты все более и более становятся самодовлеющими. Возникает сознание силы, закономерности и психологических прав мысли, независимо от воли и чувств. Одним словом, это – психологические основания того, что издревле принято называть истиной. Из намеченной постановки вопроса читатель, полагаю, уже видит, с какой стороны я хотел бы подойти к психологической разработке проблемы “истины”. Я не спрашиваю, что есть истина? Я хочу уяснить себе психологическое происхождение ощущения и понятия истинности как особой, сопутствующей развитию мысли, умственной категории принципиально отличной от окраски, свойственной чувствам. В том стремлении к безразличию относительно чувствующей окраски, о котором я только что говорил, я усматриваю первый шаг к образованию этой категории, присущей процессам мысли, и с этой стороны ощущение истинности есть сперва только ощущение того, что в возникающих образах, в слагающихся понятиях чувствующаяся окраска восприятия потухла.

В силу отсутствия окраски процессы мысли (представления, понятия идеи) могут быть понимаемы как не эгоистические (в известном смысле) проявления нашей психики. Во избежание недоразумений, вместо термина “эгоизм” с его производными будем пользоваться термином “эгоцентризм”, понимая под ним особое отношение к “я” субъекта, именно то, которое дано в чувствах и тем явственнее обнаруживается, чем сильнее и выше чувство. В сфере чистой мысли, напротив, чем могущественнее, чем совершеннее и выше мысль, тем слабее ее связь с “я” субъекта, тем дальше стоит, она от этого “я”: по природе своей мысль, в противоположность чувству, не эгоцентрична. В форме представлений, понятий, идей дан мир, не превращенный в чувства или, лучше сказать, освобожденный, очищенный от непосредственной, чувствующей окраски желаниями, радостями, страданиями, наслаждением, отвращением и т.д. Сфера всех этих чувств только ассоциирована с объективным миром мысли. Если бы возможно было разрушить эту ассоциацию, то неэгоцентричность мысли обнаружилась бы во всей своей холодной, бесстрастной мощи. При этом предполагается, что сфера чувств не исчезла и продолжает поставлять

материал для мысли, служить ей (иначе пострадала бы сама мысль). Тогда осуществилась бы великая утопия Спинозы: не скорбеть, не ненавидеть, а понимать.. Впрочем, весьма возможно, что настоящая мысль Спинозы была не столь утопична и ее истинный смысл сводился к формуле: скорбь, глубокая скорбь, которая не мешает познавать, и весело бодрствующее нравственное негодование, которое не мешает понимать.

Как процессы окрашенные, чувства по праву должны быть признаны эгоцентрическими, по преимуществу, проявлениями психики. Даже высшие, благороднейшие чувства, влекущие человека к подвигу самоотвержения, заставляющие его жертвовать собой для других или для идеи, с точки зрения чисто психологической должны быть понимаемы как акты наивысшего самоутверждения личности, наиболее яркого и полного выражения его “я”. <...>

Но пойдем дальше. Достаточно известно то первенствующее значение, которое в деятельности мысли принадлежит так называемой бессознательной сфере ее. Подавляющее большинство умственных актов совершается именно здесь, за порогом сознания. И жизнь мысли лучше всего может быть определена как постоянное общение между сознанием и сферой бессознательной. Сохранение умственных приобретений в бессознательной сфере есть память, без которой ни умственная работа, ни прогресс мысли были бы невозможны. Но бессознательная сфера есть не только как бы склад, магазин образов, понятий, идей: она – арена умственной деятельности. Вникая в природу наших умственных актов, мы легко убеждаемся в том, что весьма многие из них протекают бессознательно и что нередко в сознании отражается только последний результат сложных операций, производящихся в бессознательной сфере автоматически. Это значит, что вся эта работа обошлась нам даром, и тут нельзя не видеть огромного сбережения умственной силы.

К числу автоматических работ, совершающихся в бессознательной сфере, принадлежит утилизация языка, речи. Язык – не только средство передачи мысли. Он прежде всего орудие мышления. Он – сложный процесс апперцепции представлений, понятий и других умственных актов грамматическими категориями. Эти категории (части речи и части предложения) усваиваются нами в раннем детстве и становятся для нас настоящими формами мысли а priori в кантовском смысле. Когда язык усвоен и стал привычным и необходимым орудием мысли, тогда грамматическая апперцепция сосредоточивается в сфере бессознательной, сохраняя с сознанием живую связь и постоянное общение, так что результаты его деятельности легко переходят в сознание. Если

искусственно перенести туда не только эти результаты, но и саму деятельность языка, то не замедлит обнаружиться вся обширность, вся сложность и тонкость этой деятельности, а также и то, как много места заняла бы она и как много потребовала бы внимания и умственных усилий, если бы целиком протекала в сознании. Все мы хорошо знаем это по горькому опыту школьных лет, когда в целях обучения грамматике мы подвергались неизбежной операции насильственного перемещения существительных, прилагательных, глаголов, подлежащих, сказуемых и т.д. из бессознательной сферы, где они действуют автоматически, в сознание, где их работа уже перестает быть даровой и где, по величине требуемой ею затраты умственных сил и внимания, легко можно составить понятие об ее огромной важности и ценности.

Все, начиная с языка, бессознательные, автоматические процессы мысля (а имя им – легион) по праву рассматриваются как процессы, сберегающие, накапливающие умственную силу, которая этим путем освобождается для новой, дальнейшей, высшей деятельности.

На этом основана сама возможность прогресса мысли, а за ним и всей психики.

Вот теперь и спросим: существует ли в душе чувствующей своя бессознательная сфера, аналогичная той, которая принадлежит душе мыслящей?

Ученые много спорили о том, есть ли память чувств. Вопрос должен считаться нерешенным¹³⁰. Я думаю, что он поставлен

¹³⁰ Ясную постановку этого вопроса и попытку решить его утвердительно находим у Рибо в книге *“La Psychologie des sentiments”* (1869), глава XI (*“La mémoire affective”*). Наблюдения и соображения Рибо, клонящиеся к доказательству существования “аффективной памяти”, устанавливают лишь одно: род “памяти” в области чувственных восприятия (обонятельных, вкусовых и др.), а не настоящих чувств; к тому же эта “память”, по свидетельству самого автора, оказывается весьма ограниченной. По нашему мнению, между нею и памятью умственной – целая пропасть. См. также статьи: Pillor'a *“La mémoire affective, son importance théorique et pratique”* и Mautioh'a *“La vraie mémoire affective”* в *“Revue philosophique”*, 1901 г., февр. – Постановка вопроса, предлагаемая здесь мною, близка к той, которую мы находим в последней статье (Maution), и еще ближе к воззрению Вильяма Джемса (в его *“The principles of psychology”*). Ср. А.Лазурский *“Очерки науки о характерах”* (1906), с. 165-166; “...аффективная память, если бы ее изучить подробнее, могла бы, пожалуй, иметь для индивидуальной психологии не менее важное значение, чем многие другие основные наклонности. Теперь же она еще слишком мало исследована для того, чтобы высказываться окончательно по этому вопросу”.

неправильно. Сперва нужно решить, возможно ли бессознательное чувство, как вполне возможна бессознательная мысль. Мне кажется, отрицательный ответ сам собой напрашивается. Ведь чувство с его неизбежной окраской остается чувством до тех пор, пока оно ощущается, проявляется в сознании. Субъект может неправильно понять свое чувство, может ошибиться в его определении; есть немало сложных в тонких чувств, трудно поддающихся отчетливому отражению в слове, в представлении, в понятии. Но, очевидно, эта трудность определения или ошибка в нем, в свою очередь, красноречиво свидетельствуют о сознательности чувства: ведь если бы сложное трудно определяемое чувство не создавалось, то не возникал бы и вопрос о нем, не было бы ни трудности, ни ошибки. По моему крайнему разумению, выражение “бессознательное” чувство есть *contradictio in adjecto* как черная белизна и т.п., и бессознательной сферы в душе чувствующей нет. Это, конечно, отнюдь не противоречит сохранению воспоминаний о пережитом и угасшем чувстве, а равно и возможности кажущегося повторения этого чувства. Вы некогда испытали большую радость, вызванную каким-то событием в вашей жизни. Прошли года, эта радость давно потухла – ее нет у вас; но представления, с нею связанные, воспоминания о событии, ее вызвавшем, о лицах, участвовавших в событии, и т.д., конечно, сохраняются в вашей памяти, потому что они – мысль, а не чувство. С этими воспоминаниями могут ассоциироваться новые чувства, отличные от той радости, например чувство сожаления о том, что она прошла, грусть о счастье, которого уже нет. Если же, вспоминая прошлое, вы живо перенесетесь воображением в ваше тогдашнее душевное состояние, и если при этом новые чувства сожаления, грусти и т.д. не придут отравлять приятных воспоминаний, то нечто аналогичное былой радости может прозвучать в вашей душе. Но нетрудно видеть, что это не прежнее воскресшее чувство, а новое, только похожее на него, возникшее заново, в силу известных умственных актов (воспоминаний) и того, что в данную минуту ваша чувствующая душа оказалась свободною от других чувств. И, разумеется, новое чувство, принадлежа к одной категории с прежним, далеко не будет, однако, совпадать с ним в силе, интенсивности и в тех оттенках и подробностях, которые и образуют живую индивидуальность чувства. Наша чувствующая душа, по справедливости, может быть сравнима с тем возом, о котором говорится: что с возу упало, то и пропало. Напротив, душа мыслящая – это такой воз, с которого ничего не может упасть: вся поклажа там хорошо помещена и скрыта в сфере бессознательной. Возьмем другой пример. Литвинов и Ирина любили

друг друга. Как ни была сильна и страстна эта любовь, она, после известного разрыва (в Москве), с течением времени прошла, потухла. Потом они встретились за границей. Здесь, на первых порах, их чувствующие души были свободны от чувства любви. Но воспоминания о прошлом и жажда счастья (или, лучше сказать, тех острых, страстных, блаженно мучительных душевных состояний, которые дает любовь) привели к новой любви. Она вспыхнула с новой силой. Но это, в точном психологическом смысле, не прежнее чувство, а новое, только очень похожее на старое. Можно два раза заболеть тифом, но новый тиф, несмотря на все сходство с прежним, будет новой болезнью, которой течение и картина не может по всем пунктам совпадать с течением и картиной первой. Когда говорится, что Литвинов и Ирина не переставали любить друг друга и любовь бессознательно сохранилась в их душе, чтобы при новой встрече вспыхнуть с прежней силой, то это только – фигуральное выражение, противоречащее психологической природе чувств. Но когда говорят, что такая-то мысль долго сохранялась и даже работала в бессознательной сфере, чтобы потом появиться в сознании, то это уже не фигуральное выражение, а вполне точное обозначение факта.

Если бы чувства, нами переживаемые, сохранялись и работали в бессознательной сфере, постоянно переходя в сознание (как это делает мысль), то наша душевная жизнь была бы такой смесью рая и ада, что самая крепкая организация не выдержала бы этого непрерывного сцепления радостей, горестей, обиды, злобы, любви, зависти, ревности, сожалений, угрызений, страхов, отчаяний, надежд и т.д., и т.д. Нет, чувства, раз пережитые и потухшие, не поступают в сферу бессознательного, и такой сферы нет в душе чувствующей. Но в ней есть нечто иное. Это именно – следы пережитого. Испытанное чувство исчезает, но наша психика обогащается новым опытом и становится на будущее время более восприимчивою к данному чувству. Эта восприимчивость, приобретенная рядом опытов, может передаваться наследственным путем и, через несколько поколений, превращается в инстинкт. Смотря по характеру чувства, приобретение восприимчивости к нему может приводить к весьма различным результатам, например к большой легкости всякого нового появления в душе данного чувства, к привычке иметь его (так можно привыкнуть к тщеславию, к заносчивости, к властолюбию и т.д.), или же к тому, что известное чувство уже не будет проявляться с тою яркостью, как проявлялось оно впервые.

Путем переживания различных чувств наша чувствующая психика обогащается внутренним опытом и усваивает, если можно так

выразиться, чувствоспособность, в силу которой ей становятся доступными всевозможные чувства, хорошие и дурные, равно как и различные степени яркости чувств, от тусклых и слабых до так называемых аффектов, т.е. сильных и страстных проявлений чувства.

Сравнивать эту чувствоспособность, эту настроенность души, хотя бы она была доведена до степени инстинкта, слепо, автоматически действующего, с ролью и характером бессознательной сферы мысли нельзя без натяжек, и такое сравнение ни к чему не ведет, кроме отрицательного вывода, что эти психологические величины несоизмеримы и даже не могут быть названы гомологами.

Из сказанного явствует, что в психике мыслящей, где есть бессознательная сфера, господствует закон памяти, а в психике чувствующей, где бессознательной сферы нет, властвует закон забвения.

К сказанному прибавим, что чувства, как сознательные по преимуществу процессы психики, скорее тратят, чем сберегают, душевную силу. Жизнь чувства – расход души¹³¹.

Важнейшей характерной особенностью мысли, тесно связанную с ее бессознательными процессами, является ее вечное стремление восходить от единичного, частного, конкретного к общему, обобщенному, отвлеченному.

Уже грамматические категории суть отвлечения. Но важнейшее действие абстракции сосредоточено не в формальных частях слова, а в его материальном (лексическом) содержании: конкретные представления обобщаются либо в типичные образы (это – путь искусства, кроме лирики), либо в отвлеченные понятия (это – путь науки и философии).

Ничего подобного нет в сфере чувств. Чувство всегда конкретно. Нельзя обобщить, скажем, 100 чувств любви в одном чувстве какой-то любви вообще. Только представления (а не чувства) разных сортов любви могут быть сведены к общему понятию (опять-таки не чувству) любви вообще. Излишне пояснять, что чувства, объектом которых служат не конкретные вещи, а общие понятия, идеи (например, любовь к истине), также не конкретны, в смысле чувства, как и все прочие. Чувства всегда резко индивидуальны, т. е. каждое из них имеет свою, так сказать, физиономию, свой характер, определенную окраску, такую-то степень

¹³¹ Попытку расчистить почву для воззрения на чувство, как на расход души, как на трату энергии, мы находим в книге проф. И.Г.Оршанского “Механизм нервных процессов”, т. I (изд. Академии наук).

яркости или силы и т.д. Оттуда – бесконечное разнообразие чувств той же категории.

И с этой стороны коренное различие между мыслью и чувством может быть сведено к противоположению сбережения и накопления психической силы в обобщающих, отвлеченных процессах мысли – расходованию и рассеянию психической силы в живой деятельности чувств, всегда конкретных, всегда индивидуальных.

Эта противоположность мысли и чувства наглядно обнаруживается в их крайних выражениях. Существеннейший признак мысли – отвлечение. И чем мысль отвлеченнее, тем она больше мысль; чем она конкретнее, тем ближе подходит она к чувству. В чувственных восприятиях она сливается с последним. Следовательно, чтобы созерцать мысль в ее наиболее ярком выражении, нужно взять самые широкие научные и философские обобщения, где в одном законе или одной идее сведено к единству огромное количество фактов и их более частных обобщений. Громадное сбережение умственной силы, осуществляемое этим путем, не требует пояснений.

Существеннейший признак чувства – это окраска, придающая ему особый характер, не позволяющий смешать его с другим чувством. Чем ярче окраска чувства, тем оно больше – чувство. Следовательно, чтобы созерцать чувство в его наиболее ярком выражении, нужно взять аффекты и страсти. Что аффекты и страсти представляют собой расходование душевной силы, это не может подлежать сомнению, равно как и то, что, если взять всю совокупность аффектов и страстей в известный период времени, то этот расход окажется огромным. Какие статьи в этом расходе могут быть признаны полезными и производительными, – это уже другой вопрос; но несомненно, что многие страсти и различные аффекты оказываются настоящим расточительством, душевным мотовством, ведущим к банкротству психики.

Так вот, если мы будем иметь в виду, с одной стороны, высшие процессы обобщающей мысли, научной и философской, а с другой – самые сильные и яркие аффекты и страсти, то коренная противоположность и антагонизм двух душ – мыслящей и чувствующей – выступают отчетливо в нашем сознании. И мы убедимся, что в самом деле эти “души” плохо ладят между собой, и что психика человека, из них слагающаяся, есть психика плохо организованная, неустойчивая, исполненная внутренних противоречий.

Представим себе картину духовной жизни, управляемой интересами отвлеченной мысли, – при минимуме аффектов, при

отсутствии страстей, – и мы получим то, что Спиноза, лучший представитель такой жизни, справедливо называл свободой. <...>

До сих пор мы говорили о чувствах, отвлекаясь от их положительного содержания. Теперь обратимся к этой стороне дела и прежде всего предложим следующую классификацию чувств, основанную на эволюционном критерии: 1) чувства органические (биологические), 2) над-органические, 3) социальные, 4) над-социальные. Вместе с их классификацией мы дадим и оценку чувств со стороны их значения в общей экономии психики человеческой. Критерием такой оценки послужит нам понятие о стремлении чувств поработать душу. Оговорюсь, что не имею возможности исчерпать поставленный здесь вопрос, и только постараюсь дать общую схему классификации и отправить точки указанной оценки чувств.

1) Чувства органические (биологические): мышечное, общетелесное (здоровья, нездоровья), голод, жажда, сытость, половое и др. При нормальных условиях, при физическом и душевном здоровье, при обычном удовлетворении соответствующих потребностей организма, эти чувства не поработают души. Только при ненормальных условиях, при отсутствии необходимого удовлетворения потребностей организма, эти чувства вырастают в аффекты, поработавшие мысль, другие чувства, волю. Легче всего – именно у мужчин – получает аномальное развитие половое чувство (и притом развитие, не оправданное потребностью). На этом пути возникают излишества и извращения, часто являющиеся симптомами разных психозов. Если это – психоз, о душевной свободе не может быть и речи. Но и вне психоза это чувство слишком часто (у мужчин) приобретает непропорционально-значительное место в общей экономии психики и является началом поработавшим. Женщины в этом отношении гораздо свободнее и, следовательно, совершеннее мужчин¹³².

2) Над-органические чувства. Из них, полагаю, следует признать важнейшим любовь между мужчиной и женщиной, в смысле столь известного состояния влюбленности и идеализированной страсти. Это, бесспорно, одно из поработавших чувств. Оно, без сомнения, развилось на основе биологического инстинкта размножения и может быть понимаемо как перерожденное идеализированное половое чувство или как сложная психическая “надстройка” над ним, в которой обращают на себя внимание черты, по-видимому, ничего общего не имеющие с

¹³² Стремлениям моралистов, проповедующих половое воздержание, нельзя не сочувствовать, тем более, что, сколько мне известно, авторитет науки на их стороне.

инстинктом размножения и даже противоречащие ему (это – характерная особенность чувств над-органических; на известной высоте развития они становятся “антиподами” соответствующих органических чувств). Поэты всех времен (надо отдать им справедливость) сделали очень много для идеализации и облагораживания любви-страсти. В смысле украшения и поэтизации жизни это чувство имеет свою ценность. Но в общем придется сказать, что оно приносит больше зла, чем добра. Вполне уместное и благотворное в юном возрасте, оно простирает свою власть и на старшие поколения (“любви все возрасты покорны”), где оно – излишне и, как все излишнее, вредно. Известно, что глупостям, совершаемым людьми умными под властью этого чувства, имя – легион. Кроме глупостей, оно приводит и к преступлениям, несчастьям всякого рода, самоубийствам. Едва ли можно сомневаться в том, что в будущем оно подвергнется значительным изменениям в своем составе, характере и силе и потеряет ту власть и популярность, какими оно пользуется до сих пор. Уже одно уравнение женщин с мужчинами на почве общего труда и развития внесет коренные изменения в порядок любовных чувств, подогреваемых, как известно, различием вторичных половых признаков, – а эти признаки в известной мере уравниваются в общем царстве труда и мысли. Женщина будущего, равноправный товарищ мужчины на всех поприщах общественной деятельности, потеряет те утрированные и условно-красивые черты так называемой “женственности”, которые ни с физической, ни с духовной стороны не могут считаться положительным приобретением цивилизации.

3) Чувства социальные: семейные, общественные, правовые, политические. Их сфера огромна, и сами чувства этой категории разнообразны до бесконечности, разделяясь на разновидности и отличаясь по интенсивности; тут есть и обыкновенные чувства, и аффекты, и страсти. Я не могу войти здесь а рассмотрение этого обширного порядка душевных явлений и ограничусь некоторыми соображениями, преимущественно о тех из них, которые имеют ближайшее отношение к интересующему нас вопросу о личности, об ее душевном равновесии и ее развитии в направлении наибольшей цельности и экономии психических сил.

И прежде всего укажем, что сама личность есть продукт (и притом сравнительно поздний) развития общественности, что она (личность, как особый уклад духа) образовалась путем прогрессивного развития именно социальных (а не органических и других) чувств. Человек был искони животным групповым, общественным и выступил на историческую

сцену с уже готовыми социальными чувствами и стремлениями, ставшими инстинктом не менее властным и слепым, чем инстинкты биологические. Долгие тысячелетия прошли, прежде чем в недрах общественности могла образоваться личность. Многие социальные явления (в том числе и государство) предшествовали возникновению личности, и последняя унаследовала разнообразные социальные чувства, связывавшиеся с до-личными общественными образованиями. Затем, в порядке исторического развития, эти архаические чувства перерабатывались, видоизменялись в ту или другую сторону, переходили в новые чувства или совсем упразднялись. Как пример, укажу на патриотизм. В наше время это социальное чувство, даже в его наиболее вульгарном виде, все-таки представляется гораздо более сложным и часто более возвышенным сравнительно с патриотизмом античным, который, в свою очередь, не был единообразным, а развивался в известном направлении, расширяясь и облагораживаясь. Если взять его в одном из наиболее ранних выражений, то это окажется патриотизм не национальный и даже не государственный в собственном смысле, а общинно-родовой, опиравшийся на узкие интересы общины и на родовую религию (преимущественно культ предков). Но был некогда (и есть ныне – у дикарей) “патриотизм” еще более примитивный и грубый: это – инстинктивное тяготение к своему “человеческому стаду” и слепая вражда к другим таким же “человеческим стадам”. Сущность явлений сводится именно к тому, что здесь нет еще личности, а есть только индивиды, которые вне стада не существуют и исконно были стадными. Нам трудно проникнуть в эту своеобразную психологию, где нет личности. Но вспомним, что социальная психология есть система психологических отношений, связей и взаимодействий; эта система существенно изменяется с развитием организации труда, его усложнением, усовершенствованием и разделением. На этой почве и создаются впервые социально-психологические основы или формы личности. Предпосылка личности – это сперва смутное, потом более явственное сознание своего социального положения, своего места в общественной организации. Прошли тысячелетия, пока из этой предпосылки могла возникнуть человеческая личность, долго еще остававшаяся шаткой и расплывчатой. Личность есть конечный результат психологической переработки индивида силами усложняющейся, прогрессирующей общечеловеческой ответственности. Только с появлением личности становится возможным антитеза: я и общество. Индивид, не имеющий личности, этой антитезы не знает; он не противопоставляет себя обществу, – он тонет в нем. <...>

Личность, сказали мы, есть синтез психических процессов индивида. На этом определении остановиться нельзя: оно слишком формально и не дает ответа на вопросы о характере этого синтеза, об его психологической природе. Ведь дикарь, как особь, также имеет свой душевный синтез: нельзя отрицать его существования и у животных. Вообще везде, где есть расчлененная и организованная физиологическая животная особь, там есть и некоторый синтез психических процессов, данных этой особи. Нервная система и мозг являются физиологической предпосылкой и необходимым основанием психического объединения. Итак, существуют психические синтезы и до личности. Личность должна быть понимаема как один из многих синтезов, как особый род или тип душевного объединения, несвойственный животным и еще не возникший у весьма многих дикарей. Для осуществления этого нового типа синтеза необходима человеческая общественность и притом прогрессирующая, цивилизующаяся. Личность – продукт цивилизации. <...>

Всякий, кто хоть немного вдумывался в психологический состав личности, как она дана в цивилизованном мире, знает, конечно, как много в этом составе того, что должно быть понимаемо как форма личности, в отличие от ее содержания, – формальными элементами являются те черты, которые личность воспринимает из: 1) национальной среды, 2) из класса, к которому она принадлежит, 3) от своего профессионального положения в обществе и т.д. В каждом из нас можно найти целый ряд таких форм. Если, выражаясь фигурально, произвести поперечный разрез личности, то такой разрез обнаружил бы ряд concentрических кругов: самый широкий из них национальный (положим, субъект – русский), затем – круг, слагающийся из исторических классово-сословных черт (например, дворянин, потомок бояр или князей), далее – круг из современных классовых отношений (хотя и дворянин, и потомок, но в то же время типичный для современности буржуа-капиталист), потом – круг из черт профессиональных (долго служил по выборам и усвоил типичные черты земского деятеля), наконец – круг из черт местных (типичный провинциал или типичный москвич). Таких кругов у одного может быть больше, у другого меньше, одни из них представляются неяркими, малозаметными, другие гораздо ярче, устойчивее и сохраняют свое значение при всевозможных переменах в судьбе человека: таков круг национальный, а также некоторые из классово-сословных, исторически развивающихся и слагающихся черт, передаваемых наследственным путем (например, формальные признаки духовенства, ставшие

типичными и нередко сохраняющиеся у лиц, вышедших из духовенства, но к нему не принадлежащих, избравших другое поприще). Не все, но огромное большинство этих форм должны быть признаны с эстетической стороны безразличными и нравственной оценке не подлежать. Только немногие из них, именно из числа узкопрофессиональных, связанных с деятельностью, подвергающейся нравственному суждению (одобрению или порицанию), по необходимости подпадают под нравственную оценку (положительную, например для сестер милосердия, для миссионеров и т.д., отрицательную – для ростовщиков, для воров – ибо есть и такие профессиональные формы). Нетрудно видеть, что возможности нравственной оценки увеличиваются по мере того, как круги суживаются. Самый широкий – национальный – никакого отношения к этике не имеет и не может иметь (весьма, к сожалению, распространенное стремление приписывать нравственные качества, положительные или отрицательные, разным национальностям, как таковым, есть одно из самых прискорбных и зловредных недомыслий). К этике могут иметь отношение только те круги, которые ближе всего подходят к центру, – к той центральной точке, где помещается само содержание личности с ее особым физиологическим строем, ее темпераментом, ее нравственностью, волевым упорядочением, личными особенностями характера, вкусов, стремлений и т.д. Все окружающие эту точку концентрические круги форм, как обручами, сжимают и скрепляют личность. Они-то и объединяют ее, они вносят чрезвычайно важный вклад в дело организации личности, в дело создания ее синтеза.

Дикарь не имеет первого и важнейшего круга – национальности, как это было указано выше; других кругов – классовых, профессиональных – у него также нет за отсутствием правильного, организованного труда¹³³. Сама организация общественного труда едва ли возможна без предварительного образования народности, хотя бы в ее зачатках. Возникновение народности (элементарной национальности) означает ту ступень объединения групп и создание той, так сказать, системы духовных сил, которые и пролагают путь к организации общественного труда с его разделением, с его постоянным стремлением к

¹³³ Читатель понимает, что, говоря о дикарях, мы все время имеем в виду настоящих дикарей, а не те полудикие племена, которых можно подвести под понятие “варварства” и которые имеют свою “культуру”, политическую организацию, жрецов, систему верований, сложные обычаи и т.д.

усовершенствованию. Это разделение труда и ведет к образованию классов с их классовыми психологическими формами личности.

Человеческая до-личностная особь, приобретая национальную “физиономию”, участвуя в общем труде и усваивая классовую форму психики, постепенно превращается в личность.

Историческое развитие и усовершенствование национальных форм есть процесс развития и усовершенствования личностей со стороны их основного — национально-психологического — синтеза. Историческая смена классовых форм есть смена общественных типов личностей. Рядом с этим идет усиление разнообразия, увеличение сложности личности. Два лица, принадлежащие к одной национальности, могут разниться со стороны классовой формы: принадлежа к одной национальности и имея одну и ту же классовую форму, они могут различаться со стороны профессиональной формы и т.д. Наконец, способ сочетания разных форм между собой и их общее воздействие на индивидуальное содержание личности бывают крайне различны и соответственно приводят к различным результатам.

Можно было бы предпринять сравнительное изучение всех классовых форм с точки зрения их воздействия на индивидуальное содержание личности и на то, что я называю ее психологической скрепою. Вопрос гласил бы: какие из этих форм благоприятны для внутреннего усовершенствования людей и для усиления цельности, связанности, душевной гармонии личности? Такой вопрос привел бы и к постановке другого: нельзя ли в истории смены классовых психологических форм уловить признаки прогрессивного развития самой личности? Это возвращает нас к тому тезису, который мы поставили в начале статьи. Тезис гласит, что эволюция психики человеческой еще далеко не закончена, что душа или, лучше, ее синтез — личность современного человека, в ее даже наилучших выражениях — представляет значительные несовершенства организации. Эволюция психики продолжается. Так вот, говоря об исторически сменяющихся классовых формах личности и подымая вопрос оценки их относительного совершенства и психологического достоинства, мы обращаемся вновь к указанному основному тезису и спрашиваем: не есть ли историческая смена классовых форм только частный случай, эпизод в эволюции психики человеческой, и, например, образование и расцвет буржуазной формы — это был прогресс, шаг вперед в эволюции личности, а новая форма, грядущая на смену буржуазной, будет дальнейшим шагом в этом направлении?

Такая постановка вопроса предполагает, что у нас есть или может найтись положительный критерий для определения относительного совершенства личности, как синтеза формальных элементов с элементами содержания психики. Мне кажется, за таким критерием ходить не далеко. Очевидно, что содержание личности должно быть по возможности совершенным, т.е. состоять из всего лучшего, что до сих пор было выработано цивилизацией. Цивилизация выработала ряд высших идей, чувств, стремлений: они должны быть в наличности, так чтобы человек имел право сказать: я – человек, и ничто – лучшее – человеческое мне не чуждо. Во-вторых, все худшее человеческое (и до-человеческое), все унаследованное от более или менее дикого прошлого и превратившееся в бодрствующие или заглушенные инстинкты, в ряду которых есть чисто зверские, должно быть нейтрализовано, подавлено и пребывать в скрытом состоянии, если уж оно не может быть совсем выброшено из души¹³⁴. В-третьих, две души, мыслящая и чувствующая, должны быть по возможности лучше и теснее скреплены и прилажены друг к другу, и чтобы они сливались в гармоничном синтезе, если можно так выразиться, в третьей душе, которую в самом деле “не разрежешь, как яблоко”. Весьма возможно, что в порядке эволюционном эта “третья душа” и создается, и ее характерным признаком будет могучее развитие задерживающей воли, о каком мы теперь, с нашей слабОВОЛЬНОЙ психикой, и понятия иметь не можем. Эта “третья душа” подымается в сферу высшую, господствующую над мыслью, в сферу нравственную.

Созданием национальных, классовых и прочих социальных форм не исчерпываются те условия и предпосылки, какие выработала цивилизация и которые служат психологическими скрепами личности. Есть еще и другие, не менее, если не более важные скрепы. Они-то и являются как бы предвестниками того процесса, который мы только что назвали созданием “третьей души”. Это – особый порядок чувств, которые, невзирая на их весьма вероятное социальное происхождение, я считаю более правильным выделить в особую рубрику. Я предлагаю называть эти чувства над-социальными. Рассмотрение этой четвертой рубрики окончательно выяснит нам тот критерий, который необходим для оценки относительного совершенства личности, как синтеза психических процессов.

¹³⁴ Кажется, не может. Закон сохранения психических элементов еще не установлен, но, по-видимому, дело идет к этому.

Итак, 4) чувства над-социальные. Едва ли можно сомневаться в их социальном происхождении, хотя, строго говоря, их генезис еще не может считаться окончательно раскрытым наукою. Я лично принимаю их социальное происхождение, но думаю, что, раз возникши в недрах общественности, они, даже в своем элементарном виде, сразу приобрели особое психологическое значение и назначение, не уместяющееся в рамки явлений чисто социальных. Первыми из этой категории чувств, в эволюционном порядке, образовались уже в глубокой древности чувство религиозное и чувство элементарно нравственное. Пусть их социальное происхождение есть вопрос, еще не решенный, но их крайне узкое, тесно социальное значение на ранних ступенях развития не может подлежать сомнению. У дикарей (тех, у которых они имеются) и в отдаленной древности культурных народов они, если можно так выразиться, насквозь пропитаны социальностью и запечатлены резким характером общественной утилитарности. Но, по мере дальнейшего развития, весьма рано обнаруживаются их сверх-социальные стремления. Очень скоро (хоть и спорадически, у отдельных лиц) оказывается, что религия и этика метят куда-то выше общества и нередко вступают в конфликт с другими чисто социальными психическими образованиями. Все более и более сфера их действия переносится в самый центр личности, в индивидуальное “я”. Образуется религиозное сознание и нравственный императив, как интимное достояние личности, над которым общество не властно и развитие которых может поднять личность выше общества. По своей психологической природе, как она довольно рано обнаружилась, религиозное сознание (или чувство) и нравственный императив представляются психическими образованиями особого порядка. Их отличительная черта в том, что они — не только чувство, но и мысль. Назвать их простыми ассоциациями мысли и чувства нельзя: ведь их нельзя разложить на мысль и на чувство, как это легко делается с ассоциациями. Говоря так, я имею в виду не содержание религиозного сознания или нравственного чувства (например, вера в бога по такому-то вероучению, нравственное признание такого-то правила, например “не убий” и т.д.), а самое-то религиозное сознание и нравственный императив, как форму, бодрствующую в душе человека и воспринимающую то или иное исторически данное содержание. Так вот, возьмите эту форму, эту категорию религиозности и этики, и вы увидите, что они — неразложимы. Это, говоря фигурально, как бы “психические атомы” той “третьей души”, о которой была речь выше. Но в то же время мы по опыту знаем, что они, эти формы, сказываются как чувство и проявляются как мысль.

Никто не будет отрицать, что религиозность есть чувство: оно достаточно ярко окрашено, чтобы субъект, его имеющий, не сомневался в его принадлежности к душе чувствующей. Но вместе с тем достаточно хоть немного вникнуть в особый характер этого чувства, чтобы убедиться в следующем: в противоположность другим чувствам, оно есть суждение. В нравственном императиве этот характер суждения проявляется еще отчетливее: любое движение нравственного чувства, первый лепет совести есть уже скрытое суждение, чуть ли не силлогизм. Это значит, что не только чувство, но и мысль, и притом не “механически” (ассоциативно) связанные друг с другом, а так, что это – мысль постольку, поскольку чувство, и наоборот – чувство постольку, поскольку мысль.

Принимая во внимание эту двойственность природы религиозного и этического и их неразложимости на мысль, отдельную от чувства, и чувство, отдельное от мысли, мы приходим к воззрению на психические образования как на самые несомненные проявления настоящего психического синтеза личности. Как ни далека от совершенства организация души человеческой, – в ней все-таки есть задатки или фактические доказательства возможности лучшей организации, создания более прочного синтеза, слияния двух душ, мыслящей и чувствующей, в одну – высшую. Начало этого слияния уже осуществилось в двух душевных пунктах – в религиозном и этическом. Оттуда ясно, какое огромное значение принадлежит религиозному и нравственному прогрессу человечества, рассматриваемому с точки зрения постепенного усовершенствования личности, создания ее цельности и единства.

Выше мы указывали на прогресс национальности, на историческую смену классовых форм как на процесс развития самой личности. Теперь в религиозном и этическом узлах психики мы находим другое орудие или фактор того же развития. И это второе орудие тем важнее, что оно, создавая и скрепляя личность, в то же время возвышает ее над чисто социальной стихией и делает человека существом сверх-социальным: существом религиозным и нравственным сперва в возможности, а потом и фактически, в меру прогрессивного развития самого содержания религии и этики.

Во избежание недоразумений поясню, что “сверх-социальность” не значит выход из пределов общественности в какие-то эмпирии. Нет, над-социальные стороны человека вместе с ним остаются в пределах общественности (из них некуда выйти), – все равно как социальное, в свою очередь, остается в пределах биологических, не совпадая с

процессами биологическими, но развиваясь на их основе. Находясь в недрах социальности, вне над-социального не остается равнодушным зрителем общественной эволюции, но является по-своему могущественным ее двигателем. Вероятно, такова же роль социальности в пределах биологических: силою социального прогресса образовался и продолжает биологически совершенствоваться самый вид *homo sapiens*.

В отличие от других чувств или, по крайней мере, их большинства религиозное и нравственное чувства являются процессами, сберегающими и накапливающими психическую силу. И с этой стороны они еще явственнее выступают в роли действующих факторов прогресса общественности. В том, что они, подобно мысли, сберегают и накапливают душевную силу, – в этом нетрудно убедиться из наблюдений над укрепляющим, оздоравливающим действием религиозного сознания и нравственного императива на всю психику. При этом поучительны психопатологические случаи их исчезновения или извращения. Как причастные мышлению, как своеобразные чувства-суждения, они обобщают, подводят под определенные нормы все разнообразие отношений человека к человеку и к божеству (или космосу), наподобие того, как обобщающие процессы мысли (понятия, идеи) упорядочивают и упрощают разнообразие и бесконечное множество конкретных представлений.

Эта сторона – сбережение и накопление психических сил – явственно сказывается в том, что религиозное сознание и нравственный императив выступают в истории человечества как силы творческие. А во всем психическом творчество может быть только там, где есть сбережение силы. Вспомним великие всемирно-исторические религиозные движения, вспомним великие этические доктрины: как много душевных сил освободилось в них и выступило как деятельный фактор прогресса. Это значит, что в порядке религиозной и нравственной эволюции веками накопился огромный запас сил. Накопление предшествует освобождению, и само творчество, как освобождение связанной силы, не есть растрата накопленного и всегда ведет к новому накоплению, которое обнаружится раньше или позже. <...>